

Стричь волосы?

— Не хочу! — неожиданно вскочив, громко заявил Нолан.

— Почему? Мы же совсем чуть-чуть подравняем, — попытался уговорить его Финкес.

Нолан по-прежнему решительно мотал головой:

— Не хочу! Нолан не стрижет волосы.

— Но если не подстричь, все опять будут пялиться на тебя.

— Пусть смотрят, Нолан не боится.

Ишь ты, храбрости набрался.

— Ну ладно, только потом не жалуйся, что я тебя не предупреждал, когда из-за шевелюры тебя кто-нибудь скрутит, — с самым серьезным видом принялся пугать ребенка Финкес.

Нолан и вправду немного испугался, во взгляде, которым он смотрел на Финкеса, промелькнул страх.

— Финкес... ты же защитишь меня, правда?

— Да, но у каждого всего по две руки, если народу набегит много, я ничего не обещаю. — Финкес заложил руки за голову и принялся наблюдать, как русалка мучается дилеммой: стричься или нет.

Подумаешь, волосы подрезать!

Будто жизнь отбирают.

Финкес не совсем понимал такую реакцию, но вскоре услышал долгожданные слова капитуляции.

— Ну ладно, только самую капельку, ладно? — Нолан прижал большой палец к указательному, демонстрируя крошечное расстояние, и Финкес даже засомневался, поместятся ли в этот зазор два листочка нори.

Впрочем, неважно, главное — он согласился.

А дальше уж не ему решать: стоило заикнуться цирюльнику, и отрежут ровно столько, сколько заблагорассудится мастеру.

Глупая рыбешка!

Боясь, что Нолан передумает, Финкес тут же потащил его в парикмахерскую. Людей внутри почти не было, и Финкес отвел мастера в сторону, шепнув укоротить Нолану шевелюру до его собственной длины — то есть ровно до плеч.

Нолан послушно сидел в кресле, глядя на свое отражение в зеркале и боясь шевельнуться.

Ему почти хотелось плакать, он совсем не хотел расставаться с волосами.

В носу неприятно защипало, но Финкес строго-настрого запретил ему лить слезы прилюдно.

Парикмахер быстро приготовил инструменты, зажал в руке длинные пряди Нолана и восхищенно цыкнул:

— Какое качество волос! И такие гладкие.

— Еще бы, Нолан за ними очень тщательно ухаживает. — Больше всего на свете Нолан дорожил своими волосами.

— И такую красоту действительно нужно состригать?

Мастер задал этот вопрос просто для поддержания разговора — раз клиент уселся в кресло, значит, стрижке быть.

— Стригите, — кивнул Нолан, а в его ярко-синих глазах блестела тонкая пленка влаги.

Цирюльник поднял ножницы, примерился к той длине, о которой только что просил Финкес, и уже собирался сделать первый щелчок, как чья-то рука грубо перехватила его запястье.

Финкес оттолкнул мастера в сторону, подхватил ошеломленного Нолана и потянул к выходу:

— Мы не будем стричься.

— Что? — изумленно выдохнули и парикмахер, и Нолан.

— Говорю же, мы передумали.

— Психи ненормальные! — бросил цирюльник с ножницами наперевес вслед удаляющейся парочке, не скупясь на ругательства.

На улице счастливый Нолан закружил вокруг Финкеса.

— Финкес, я так и знал, что ты добрее всех к Нолану! Нолан теперь отдаст тебе все свои жемчужины, вообще все! — вовсю скалясь от радости, он носился по широкой улице, словно малый ребенок. Впрочем, Нолан неизменно держался в поле зрения Финкеса и каждые несколько шагов оборачивался, сияя улыбкой.

Финкес левой рукой прикрыл лицо, слабо зажмурившись: от этого сияния ему стало почти стыдно за самого себя.

— Кленовые яблочные пироги! Горяченькие, сладенькие кленовые яблочные пироги!

Голос разносчика не умолкал ни на секунду, и Финкес окликнул Нолана:

— Хочешь попробовать?

Заметив, что они остановились у его прилавка, торговец с улыбкой извлек аппетитный кусок пирога, ножом отрезал крошечный уголок и протянул Нолану:

— Молодой господин может отведать бесплатно, наши пироги с яблоками — самые лучшие во всем Порте Гарф!

Нолан не решался взять угощение и вопросительно посмотрел на Финкеса.

Тот легко хлопнул его по спине, призывая принять подарок.

— Спасибо, — тихо пробормотал Нолан и отправил в рот еще дымящийся кусочек. Сладость корочки и сочная мякоть заставили все его лицо озариться восторгом: — Как вкусно!

— Хозяин, заверни этот пирог целиком, — Финкес вытащил золотую монету и положил на прилавок.

Хозяин с ухмылкой проверил монету на зуб, а затем спрятал в матерчатый кошель на поясе. Сегодня явно выпал счастливый день: редко кто покупал целый пирог за раз, обычно все ограничивались лишь скромной порцией.

— Хозяин, полей сверху побольше кленовым сиропом.

Финкес невольно усмехнулся, заметив, как Нолан усердно облизывает губы, испачканные в сиропе. Вот же деревенщина маловидящая!

— Сию минуту! — в этот момент торговец был невероятно щедр.

Нолан во все глаза следил за тем, как мужчина подхватил наполовину полную янтарную бутылку и щедро плеснул на пирог две огромные ложки сиропа, зачерпывая их половником размером с куриное яйцо. Пирог стал выглядеть еще соблазнительнее, а приторный аромат в воздухе едва не лишил Нолана чувств.

Финкес попросил хозяина отрезать один кусок и завернуть его с собой, чтобы Нолан мог перекусывать на ходу, а оставшуюся часть пирога забрал сам.

— Финкес, ты разве не будешь? — Нолан уже занес над аппетитным куском раскрытый рот, но вдруг вспомнил, что спутник до сих пор ничего не попробовал.

— Ешь давай.

— А-а-м... — Нолан внезапно заступил Финкесу дорогу и принялся заботливо кормить его, как маленького.

Финкес ужасно смутился:

— Нолан, мы вообще-то на улице.

— Очень вкусно, ну попробуй кусочек, хозяин же говорил, что остынет — уже не то. — Нолан поднес пирог прямо к губам Финкеса, а в его глазах плескалась чистейшая, искренняя радость.

Финкес послушно откусил крошечный кусочек и тут же потащил Нолана в первый попавшийся переулок.

В Порте Гарф слишком много знакомых лиц, опозоришься — потом не отмоешься.

— Вкусно? — Нолан от души цапнул следующий кусок как раз в том месте, где надкусил Финкес, даже не задумываясь о последствиях.

У человека, прекрасно осознававшего значение фразы косвенный поцелуй, слегка запылали щеки. Уставившись куда-то вдаль, Финкес выдавил:

— Вкусно.

К моменту возвращения в постоянный двор уже совсем стемнело. Финкес заказал еды, а заодно попросил принести огромную кадку с водой.

При виде воды глаза русалки засияли ярче любых фонарей:

— Финкес, ты просто чудо, у Нолана ноги отваливаются!

С этими словами Нолан принялся разоблачаться прямо при нем: грубая хлопчатобумажная одежда скользнула с нежного белого тела, и Финкес обреченно закрыл лицо ладонью.

Казалось, лишь в обществе своего спутника эта рыба полностью забывала о стыде и приличиях. Он что, вообще за человека его не держит?

Похоже, в скором времени придется преподать ему пару уроков хороших манер.

В конце концов, у любого мужчины есть свои потребности.

Особенно у такого зрелого и сформировавшегося мужчины, как он.

Когда Финкес наконец убрал руку от лица, Нолан уже вовсю резвился в воде, довольно взмахивая хвостом.

Золотой рыбий хвост ослепительно переливался в полумраке.

— Хочешь потрогать?

— Чего?

— Хвост. Ты же всё на него пялишься. — Нолан выпростал хвост из воды, и золотистые плавники заискрились хрустальной чистотой в лучах лампы.

— Я вообще-то не такая уж шлюха... — буркнул себе под нос Финкес, но Нолан, как ни напрягал слух, ничего не разобрал.

— Чего ты сказал?

— Есть давай, есть. — Финкес пододвинул стол вплотную к кадке, притащил стул и уселся рядом с Ноланом.

После нескольких месяцев скитаний по морю на сухарях и рыбе Финкес безумно соскучился по

сухопутной пище — говядине и ветчине.

Он заказал целый стол мяса, а также грибной суп и свежие фрукты.

— Пробовал когда-нибудь такое?

Нолан покачал головой.

— Вот это мясо красноватого оттенка — говядина, а то, что посветлее — курица. В супе плавают белые грибы, а рядом с тобой лежит гроздь фиолетового винограда. — Финкес поочередно указал на блюда: — Попробуй.

Нолан отрезал крошечный кусочек говядины. На самом кончике языка распустился богатый букет пряностей, а нежнейшее мясо оказалось на редкость сочным, и не успев дожевать первый кусочек, Нолан с нетерпением отрезал второй.

Убедившись, что Нолан распробовал угощение, Финкес оставил попытки следить за приличиями и целиком отдался радостям земной кухни. Он принялся поглощать еду с быстротой урагана, и гора яств на столе стала стремительно таять.

— Почему ты так быстро ешь? — возмутился Нолан, едва расправившись со своим первым стейком, в то время как Финкес уже опустошил несколько тарелок.

— То ли дело ты — ковыряешься по зернышку, прямо как девчонка, — сыто откинувшись назад, пробормотал разомлевший Финкес.

Нолан яростно замахал вилкой:

— Нолан вовсе не девчонка! Это ты совершенно не умеешь вести себя за столом, хм!

— Ладно-ладно, знаю я, что ты у нас маленький принц. Тоже мне, вспомнил про манеры — когда это пираты славились хорошим воспитанием? Смех да и только!

— А почему пираты не могут быть вежливыми? — склонив голову набок, полюбопытствовал Нолан.

И вправду странно.

...И правда, почему пираты не могут быть вежливыми?

Вот задачка.

Финкес и сам не знал ответа, наверное, это шло вразрез со всеми негласными морскими традициями.

Ночь прошла мирно, ничем не отличаясь от ночей на корабле: Финкес спал на кровати, а Нолан плескался в кадке.

На следующий день Финкес проснулся раньше спутника, сбегал вниз за завтраком и принялся растормошить рыбу.

— Сегодня мне нужно отлучиться по делам, посидишь в комнате, никуда не выходи, понял?

— Но... я хочу с тобой. В четырех стенах совсем не с кем поговорить, Нолан со скуки помрет. — Нолан явно помрачнел.

— Я быстро вернулся. — Тон Финкеса не терпел возражений.

Нолан молча взял со стола хрустящий круассан.

Порт Гарф издавна славился как пиратское гнездо, и многие отошедшие от дел морские разбойники предпочитали встречать старость именно здесь. Это было место, где дух пиратства чувствовался острее всего, а воздух буквально пропитывался легендами о затерянных сокровищах и морских глубинах.

Финкес направился на поиски одного старого пирата.

Джек Джонс некогда гремел на весь Атлантический океан в качестве грозного капитана, а его «Шрамированная акула» долгое время оставалась самым свирепым судном водных просторов, раз за разом прорывая блокады правительственных эскадр.

Ходили слухи, что некогда ему посчастливилось заполучить Хрустальный шар предсказаний, украшавший Скипетр Посейдона. Узнав с его помощью о своей трагической старости на море, он решительно пустил «Шрамированную акулу» на дно и с тех пор затаился в Порте Гарф.

Многие пытались разыскать его и легендарный артефакт, но неизменно возвращались ни с чем.

Покинув постоялый двор, Финкес немедленно взял курс на восточную окраину Порты Гарф — самую возвышенную его часть.

У подножия отвесной скалы висала выдолбленная в камне тропинка шириной едва в одну стопу. На этих голых утесах не рос даже мох, и ступать сюда отваживались лишь единицы. Прижавшись спиной к шершавому камню, Финкес шаг за шагом продвигался вглубь.

Пройдя около сотен метров, он заметил, что дорожка немного расширилась. Еще десяток шагов вперед — и перед ним открылась небольшая площадка, способная вместить от силы человека четыре-пять.

Площадка уходила вглубь скального массива, образуя естественный пещерный грот. У самого входа сидел седовласый старик, и Финкес, сглотив ком в горле, негромко позвал:

— Джек.

Старик шевельнулся с черепашей медлительностью. Тупо уставившись перед собой, он приподнял голову, и в его глазах вспыхнул пронзительный, яркий блеск карих зрачков:

— О, Финкес Уоррен. Друг мой, ты наконец-то навестил меня.

— Прости, Джек, в последнее время я пропадал в море. — Финкес подошел вплотную и, вытащив из-за пазухи мешочек с жемчугом, протянул старику: — Это скромный дар от меня, не отказывайся.

Джек развязал завязки, высыпал на ладонь одну жемчужину и судорожно выдохнул:

— Э-это...

— Что такое?

— Ты нашел русалку? — резко вскинув голову, старик вперил в него взгляд бывалого волка, повидавшего на своем веку все мыслимые штормы.

Финкес невольно отступил на шаг и натянуто улыбнулся:

— Джек, ты о чем? Русалки — это же просто сказки.

— Это же чистая слеза русалки, откуда у тебя такое сокровище?!

— Я... — Финкес никак не ожидал, что у старика окажется столь цепкий глаз. К тому же, как он вообще смог распознать русалочьи слезы?

— Финкес, лучше говори правду. Эти жемчужины идеальной круглой формы и чисты как слеза, морские раковины никогда не рожают ничего подобного.

Раз уж Джек зашел так далеко, скрывать было бессмысленно. Финкес выложил всё как есть: и историю с золотой морской картой, и то, как именно он отыскал Нолана.

Выслушав его, Джек слегка разгладил нахмуренные брови:

— Финкес, послушай меня: пока поднятая шумиха не дошла до чужих ушей, избавься от этой рыбы, продай ее как можно скорее. Оставлять ее рядом с собой — значит навлечь на голову бесконечные беды!

— Джек, он же совсем ребенок. К тому же команда предана мне, никто из них не посмеет предать капитана, — попытался отстоять свою позицию Финкес.

— Правда? Тогда взгляни на то, во что превратился я! Когда-то я тоже верил, что они никогда не предадут меня, и чем всё закончилось? Собственная команда загнала меня на эту скалу, оставив доживать жалкий остаток дней с одной лишь проклятой стекляшкой на руках! Финкес, если ты мне не веришь, я сейчас же докажу тебе это! — С этими словами Джек резко поднялся и зашагал вглубь пещеры. Финкес остался стоять у входа, глядя на его сгорбленную спину, и невольно вспомнил их первую встречу.

Тогда, посреди бушующего океана, старик стоял на носу корабля навстречу волнам, и брызги не могли заставить его даже моргнуть.

В те дни Финкес боготворил его.

А позже, когда он случайно спас старика, они стали неразлучными друзьями.

— Финкес, живо входи! — донесся из темноты пещеры голос Джека, и отчего-то сердце Финкеса забилось с бешеной силой.

Он неуверенным шагом шагнул внутрь. Джек сидел за обветшалым деревянным столом, на котором покоился предмет, укрытый ярко-красной тканью.

Судя по очертаниям, это был шар.

Финкес сразу узнал легендарный Хрустальный шар предсказаний, способный ответить на любой вопрос.

— Садись.

Чувствуя себя неудобно, Финкес опустился на табурет напротив Джека. Старик протянул руку и дернул за край ткани — пещера мгновенно озарилась ярким светом.

Изумительный хрустальный шар испускал мягкое сияние небесно-голубого оттенка, а внутри него, казалось, перетекала какая-то жидкая субстанция.

— Приложи ладонь сверху.

— Джек, давай обойдемся без этого, — Финкесу нутром чуял надвигающуюся беду.

— Финкес, не беги от судьбы.

Принудительно опустив его руку на верхушку шара, Джек забормотал какое-то заклинание на непонятном языке, и жидкость внутри хрустальной сферы тут же пришла в движение.

Мгновение спустя на гладкой поверхности проступило изображение.

Штормовая ночь, черное небо, рассеченное зловещими молниями, и четкий силуэт корабля — «Благословенного чудом Демона».

<http://bllate.org/book/26367/3156113>